

Рюмка коньяка за Бунина

10 октября (по старому стилю) исполняется 125 лет со дня рождения первого русского писателя, получившего Нобелевскую премию

Многие собраты по перу считали Ивана Алексеевича Бунина счастливым человеком. Странно, что ему завидовали и в его бедной молодости - с Чеховым на короткой ноге! И в эмигрантские годы - получил Нобелевскую! И в старости - какой ум, какой блеск стили на восьмом десятке! И всегда и везде дивились бунинской независимости, внутренней свободе, его олимпийскому спокойствию.

В конце жизни, после войны, у него был выбор - вернуться на родину или уехать в Америку. И в СССР, и в США его обещали осыпать щедротами. Он остался во Франции, где был настоящий голод. Одному из корреспондентов сказал: "Литературной проституцией никогда не занимался".

Когда в зрелые годы Бунин вспоминал свои первые публикации, он сам удивлялся: "Кажется, не было писателя, который так убого начинал, как я!" Первой его прозаической публикацией была заметка для газеты "Орловский Вестник" - о мужике, которого засыпало в яме, пока он копал песок для помешика. Бунину было тогда 18 лет.

Через несколько лет, работая в полтавском губернском архиве, Бунин написал множество статей по статистике. Тома на три набралось бы, говорил он позднее.

В Полтаве 24-летний Бунин открыл свой книжный магазин. Покупателей не было. Бунин раздавал книжки сторожам, а те, как потом обнаружилось, употребляли их на сигарки. Ходил по ярмаркам и базарам, торговал книжками вразнос. В Кобеляках его арестовал урядник "за торговлю без законного на то разрешения". Судья приговорил его к трем месяцам тюрьмы, но тут случилась амнистия - на престол взошел Николай II.

Попадая в новый город, Бунин прежде всего искал в нем самое высокое место. Он всю жизнь болел "охотой к переменам". Лучшие свои вещи он задумал или написал в дороге: в купе поездов, в каютах пароходов, где-нибудь в гостинице. Но в то же время он не мог писать на людях и всегда искал такого уединения, чтобы никто не мог отвлекать его от писания. Стук в дверь, неожиданный звонок или непрощенные гости - этого Бунина не мог терпеть. Иногда внешний вид комнаты с порога отталкивал его, он по каким-то одному ему ведомым приметам чувствовал, что здесь он работать не сможет.

Иван Алексеевич любил крепкое слово. Как-то шофер из русских вез его по Парижу. По дороге случился загор. Бунин ругнулся весьма заковыристо. Шофер обернулся и добродушно спросил:

- А вы, господин, должно быть, из моряков? Ловко выражаетесь.

- Я не моряк, - строго ответил Бунин. - Я - почетный ака-

И. А. Бунин с суданскими неграми, 1903 г.

демик по разряду изящной словесности.

Прочитав "Петра I" Алексея Толстого, Бунин пришел в восторг. Тут же отправил открытку в Москву, в редакцию "Известий":

"Алешка,

Хоть ты и сволочь..., но талантливый писатель. Продолжай в том же духе.

Ив. Бунин".

Когда Бунин приехал в Стокгольм получать Нобелевскую премию, в Швеции его уже узнавали в лицо. Фотографии Бунина можно было увидеть в каждой газете, в витринах магазинов, на экране кинематографа. На улице шведы, завидя русского писателя, оглядывались. Бунин надвигал на глаза барашковую шапку и ворчал:

- Что такое? Совершенный успех тенора.

Из Швеции Бунин плыл на немецком пароходе. Вместе со своим секретарем, журналистом Андреем Седых, он решил пойти в ресторан, отведать в последний раз шведские закуски, столь ему понравившиеся.

В ресторане им предложили унылое немецкое меню: суп с картошкой, сосиски с картошкой, шницель с картошкой.

- А утря копченого у вас нет?

- Нет.

- А сельди маринованной?

- Нет.

По пути из ресторана Бунин рассказывает Седых: "Это, знаете, как в захудалом разоряющемся дворянском доме. Подходит дворецкий, кричит тугому на ухо гостю:

- Вам супу или ухи-с?

- Ухи, пожалуйста.

- Ухи нет-с!

Через несколько дней после того, как Бунин вернулся из Стокгольма с Нобелевской премией, в дверь его парижской квартиры постучали.

- Кто там? - спросил Бунин.

- Отворите, господин Бунин. Нам нужен личный разговор по очень важному делу.

- Кому нам?

- Мне и моим товарищам.

- Я нездоров, никого не принимаю, лежу в постели.

- Не стесняйтесь, Иван Алексеевич, мы же не дамы.

- Да в чем дело?

- Дело в русской национальной ценности, которую вы обязаны приобрести, чтобы

она не попала в руки кремлевских палачей.

- Что за ценность?

- Топор императора Петра Великого. Его личная собственность с государственным сертификатом и приложением печати.

Бунин отказывался от топора, попробовал пошутить: "Очевидно, это тот самый топор, которым Петр прорубил окно в Европу?"

Голос за дверью хрипло рявкнул: "С этим не шутят, господин Бунин! Это священная национальная ценность. Только ввиду этого уступаем вам ее за пятьсот франков!.."

Бунин бросился к телефону вызывать полицию. С тех пор о топоре Петра Великого ничего не слышно.

Замечательный русский писатель Борис Зайцев рассказывал о нобелевских днях Бунина: "...Видите ли, что же - мы были какие-то последние люди там, эмигранты, и вдруг писателю-эмигранту присудили международную премию! Русскому писателю!.. И присудили не за какие-нибудь политические писания, а все-таки за художественное... Я в то время писал в газете "Возрождение"...

Так мне экстренно поручили написать передовицу о получении Нобелевской премии. Это было очень поздно, я помню, что было десять вечера, когда мне это сообщили. Первый раз в жизни я поехал в типографию и ночью писал... Я помню, что я вышел в таком возбужденном состоянии (из типографии. - Д.Ш.), вышел на place d'Italie и там, понимаете, обошел все быстро и в каждом быстро выпивал по рюмке коньяку за здоровье Ивана Бунина!.. Приехал домой в таком веселом настроении духа... часа в три ночи, в четыре, может быть..."

Перед войной Борис Зайцев с женой часто гостил у Бунина в Грассе. Каждое утро, выбегая к завтраку, Бунин - худой, свежий, веселый - кричал на Зайцева:

- Тридцать лет вижу у тебя каждый раз запятую перед "и"! Нет, это невозможно!

Зайцев не обижался, но в своих рассказах по-прежнему, вопреки грамматике, ставил запятые перед "и".

Когда немцы оккупировали Францию, материальное благополучие Буниных, и без того

относительное, окончательно рухнуло. Нобелевскую премию Иван Алексеевич получил во франках (около 800 тысяч), а франк с началом войны стремительно обесценился. Скромные накопления обратились в прах. Но именно в эти дни разгрома Франции были написаны последние рассказы книги "Темные аллеи".

В день нападения Германии на Советский Союз полицейский комиссар пришел к семидесятилетнему Бунину с обыском.

В конце 48-го года в парижских газетах появились заметки, где прямо или намеками говорилось о том, что Бунин тайно ездил в СССР. Иван Алексеевич попросил нью-йоркское "Новое русское слово" опубликовать его ответ на клевету. Ему сообщили, что напечатание письма может повредить сбору благотворительных пожертвований в его пользу. На это Бунин отвечал: "Нет, я очень прошу письмо мое все-таки напечатать... И если это даже "повредит сбору", то что же мне делать?.. Я не могу ради денег сносить клеветы молча. И вот еще что: я написал вам о моей нищей старости в минуту горячего отчаяния и теперь очень раскаиваюсь... тем более, что вижу... что во всем Нью-Йорке трудно найти среди архимиллионеров больше двух человек, способных дать сто долларов. И говорю вам истинно от всего сердца: не просите ради Бога ничего ни у кого больше".

Иван Алексеевич скончался 8 ноября 1953 года в страшной, уже какой-то непоправимой нищете. Были ли тогда на Западе богатые русские, знавшие, в каких условиях доживает свой век гений русской литературы? Не знаю.

В своих воспоминаниях Бунин писал: "Слишком поздно родился я. Родись я раньше, не таковы были бы мои писательские воспоминания. Не пришлось бы мне пережить... 1905 год, потом первую мировую войну, вслед за ней 17-й год и его продолжение, Ленина, Сталина, Гитлера... Как не позавидовать нашему праотцу Ною! Всего один потоп выпал на долю ему. И какой прочный, уютный, теплый ковчег был у него и какое богатое продовольствие: целых семь пар чистых и две пары нечистых, а все-таки съедобных тварей... И отлично сошла его высадка на Арарате, и прекрасно закусил он и выпил, и заснул сном праведника, пригретый ясным солнцем... Вышла, правда, у Ноя нехорошая история с сыном Хамом. Да ведь на то и был он Хам. А главное - ведь на весь мир был тогда лишь один, лишь единственный Хам. А теперь?"

Дмитрий ШЕВАРОВ.

Публикация подготовлена по воспоминаниям Веры Муромцевой-Буниной, Бориса Зайцева и Андрея Седых.